

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

VII ТОМ

ВЕНДЕТТА

II ЧАСТЬ

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть II. Том VII

«Автор»

2024

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть II. Том VII / О.Шеллина (shellina) — «Автор»,
2024

Заключительная часть про попаданца в тело теперь уже императора Петра III.

© О.Шеллина (shellina), 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

О.Шеллина (shellina)

Вендетта. Часть II. Том VII

Глава 1

Ласси вернулся в Берлин с небольшой армией аккурат в то самое время, когда туда при- скакал гонец, с известием о скорой коронации Петра Фёдоровича.

– Слава Богу, – с облегчением произнёс старый ирландец, и перечитал послание. Кроме новости о коронации, в письме говорилось о том, что ему на подмогу идут три полка, два бывших потешных, а также Рижский драгунский под командованием полковника Олица. Он даже не знал, чему больше радоваться: новости о том, что Пётр стал императором, или о такой нужной ему подмоге. – Ну что же, это хорошо, а то у меня какие-то жалкие огрызки армии остались, – пробормотал Ласси.

Колеса по Пруссии, он оставлял то тут, то там боеспособные части, призванные сохра- нять порядок на захваченных территориях. Не то, что намечались какие-то беспорядки, про- сто старый ирландец привык действовать на опережение, не дожидаясь, пока действительно полыхнёт.

Фридрих чего-то ждал и носа не казал из Силезии, его караулили австрийцы, а французы в это время пытались весьма активно оттяпать Минорку у Англии. На кой черт этот остров, который было так легко заблокировать силами Английского флота, вообще понадобился Фран- ции оставалось загадкой, похоже, и для самой Франции, но факт оставался фактом.

В этом вопросе Ласси был солидарен с Салтыковым, который снова засел в полюбив- шемся ему Дрездене: французы, вероятно, хотели захватить Менорку, чтобы поменять её, например, на землю Огайо, что в Америке. Людовик долго хотел заполучить эту землю, но, как полагал Ласси, ему не удастся и Квебек удержать. Слишком уж тенденции нехорошие шли во всех стороны и от Англии, которая всё больше и больше нагнала, так и от Франции, которая порядком поиздержалась, а войны дело, конечно, прибыльное, но не в самом их начале. Нет, далеко не в самом начале. Не то что ему было не наплевать, но в этом споре он болел за фран- ков, просто потому что те хотели пощипать англичан, которых он ненавидел всем сердцем.

– Это совершенно невыносимо, – он поморщился и повернулся к ворвавшейся к нему в кабинет женщине. – Сколько вы будете удерживать нас здесь? – возмущению её не было пре- дела. – Мы не можем покинуть этот замок уже столько месяцев. При этом вы не позволяете мне написать письмо императору Петру. Он, конечно же приказал бы вам немедленно отпустить нас, выделив кареты и охрану.

– Ваше величество, – Ласси тяжело вздохнул. Ему было тяжело разговаривать с Софией Доротеей исключительно потому, что она не слушала никого, кроме себя. К тому же эта жен- щина очень быстро забывала то, о чём ей повторяли и не раз, постоянно пытаясь гнуть свою линию. – Ваше величество, я вам уже говорил, ваш отъезд – это совершенно невозможное событие. Вы останетесь в Берлине и будете оставаться здесь столько, сколько будет необходимо. И писать о чём-то его величеству я вам не дам, чтобы не отвлекать его от более важных дел, например, от коронации и ожидания рождения его второго дитя.

Он не стал упоминать, что Пётр никогда не позволил бы ей уехать, потому что пока семья Фридриха оставалась в Берлине в заложниках, пока ещё король Пруссии вряд ли решится ата- ковать город. Тем более, что здесь теперь «гостит» не только его мать и супруга, но и брат с женой и сыном, которые были чрезвычайно важны для престолонаследия.

– Тогда, может быть, вас и ваших грубых солдафонов сменит по этом посту коменданта дворца моего сына граф Салтыков? Он хотя бы обходительный и галантный кавалер, с которым я не чувствую себя узницей в собственном замке. – София Доротея никак не хотела унижаться. Ей было невыносимо чувствовать себя пленницей в собственном доме, и она старалась выплеснуть своё плохое настроение на Ласси, которого терпеть не могла.

– Граф Салтыков безусловно признанный дамский угодник, но он нужен его величеству в Дрездене, – Ласси с надеждой посмотрел на дверь. Хоть бы кто-то пришел и избавил его от этой мегеры, которую он скоро собственноручно задушит, а труп выбросит с самой высокой башни. А что, весьма красивая история получится: мать, не пережила разлуки с любимым сыном и решила покончить жизнь самоубийством. Жаль, что в это никто не поверит, особенно сам Фридрих. Уж кто-кто, а он точно знает, что его мать не способна на самопожертвование.

– Вы прекрасно можете сменить его в Дрездене, а... – королеву прервал звук открываемой двери, а Ласси чуть ли не бегом бросился навстречу гонцу. У него было отличное настроение, и он не хотел его портить в очередной раз поругавшись с прусской королевой.

– Извините, ваше величество, но дела, сами видите, – королева смяла платок, который до этого просто держала в руке.

Только этот безродный ирландец смел вышвырнуть её вон, как какую-то трактирную девку. Ну ничего, её сын войдёт в Берлин бравым маршем, и она собственноручно будет руководить палачом, который повесит это ирландское отродье. София Доротея вышла из кабинета, гордо поняв голову, заставив при этом гонца отскочить в сторону. Покачав головой, он пропустил её, не забыв поклониться и только тогда вошёл к Ласси, плотно закрыв за собой дверь.

– Поручик Сомов, господин фельдмаршал. Адъютант полковника Олица, – он поклонился. – В связи с довольно сложной обстановкой, никаких документов с собой не везу, все сведенья поручено передать на словах.

– Не томи, поручик, что произошло? Какие сложности в обстановке? – Ласси с нескрываемым волнением посмотрел на Сомова.

– Принц Карл Александр Лотарингский разбит при Зильберберге. Сам он жив и не пленен. Ему с ротой солдат удалось вырваться из окружения. Вскоре, он присоединился к нашему полку и теперь на всех порах мчится к Берлину, чтобы уже отсюда попытаться прорваться в Вену.

– Прорваться в Вену? – Ласси нахмурился. – За каким чертом в Вену пробиваться?

– Из-за Ганновера. Армия Ганновера выехала навстречу королю Фридриху, который по нашим данным уже покинул Силезию и движется к Дрездену.

– Это логично, я бы так же поступил, – Ласси принялся измерять шагами комнату. – Дрезден прекрасно укреплен. Саксония богатое герцогство, там есть, чем поживиться и восполнить запасы. Да и армию усилить саксонскими рекрутами. Где же австриячка? Почему она сама первой заговорила о союзе, а теперь от неё ни слуху, ни духу. – Он развернулся и пошёл в другую сторону. – Что же делать? Салтыков не сможет удержать город, не с тем количеством войск, какое у него сейчас в подчинении. Так стоп, – Ласси остановился, глядя на Сомова, но не видя его. – А где сейчас знаменитая бранденбургская гвардия?

– Наверное, в Бранденбурге, – предположил поручик, хотя Ласси у него об этом не спрашивал.

– Нет-нет, я говорю о наёмниках, о целой армии наёмников, которых выгнал со службы король Фридрих, отец нынешнего короля Фридриха. Сомневаюсь, что они не затаили обиду на Гогенцоллернов. – Ласси так быстро, как позволяли ему уже немолодые ноги, направился к двери. – А его величество Пётр Фёдорович говорил мне, что я могу запустить руки в остатки прусской казны, часть которой он специально оставил мне на нужды армии. Сейчас как раз возникла нужда в этих деньгах. Главное, надо найти этих бравых ребят и заключить с ними краткосрочный договор, на одну кампанию против Фридриха. А куда деваться? Трудные вре-

мена требуют принятия трудных решений. Да, поручик, – фельдмаршал остановился у дверей и повернулся к Сомову, про которого, как оказалось вовсе не забыл. – Атаман казацкого войска Кочевой со своими казаками и башкирами сейчас неподалеку от Магдебурга расположились. Отдохнешь и давай к ним. Зачем нам давать Ганноверу, который усилен англичанами, я готов поспорить на это, спокойным маршем идти? Правильно, незачем. Да и Фридрих давненько с башкирами не встречался. Соскучился, небось? Надо бы ему напомнить о себе. – Он замолчал, а потом добавил более жёстко. – Мне нужно время, чтобы подготовиться. Дай мне это время, поручик. Век благодарен буду. – И фельдмаршал вышел, оставив Сомова в раздумьях на тему, а так ли нужен ему отдых, ведь, если много отдыхать, можно везде, где только можно опоздать.

– Ну что, Христофор Антонович, готов ехать в неизвестность? – Воронцов посмотрел на попа, который в это время посредине палубы «Великой княгини» разговаривал с бывшими каторжниками, которых отобрали в этот поход.

– Сильно сомнительно, что к таким путешествиям вообще можно подготовиться, – Миних поехал. – Слишком далеко. Сколько мы в пути будем? Год?

– Ничего, вон Саймонов как козлом заскакал, когда куда-то в Африку и дальше по океанам подался. – Воронцов тоже ощущал внутреннее волнение, но больше от масштабности и важности предстоящей миссии, чем от страха. Но тот же страх всё же был, никуда не девался, не моряки они с Минихом, чтобы десяток лет с себя скинуть, как упомянутый адмирал.

– Куда нам до Саймонова, Роман Илларионович, – Миних хмыкнул. Пётр совсем недавно изменил решение и всё же приказал ему отправляться в экспедицию к купленным у испанцев землям. Он долго думал и колебался, но, в конце концов, принял именно это решение, считав его для себя более приемлемым. – Ну да, мы тоже можем себя показать, дай бог до места без эксцессов доберёмся. А там покажем, что есть ещё порох в пороховницах.

Их разговор прервал адмирал Вяземский, который будет командовать их довольно внушительной эскадрой. Одних фрегатов в охранении Пётр Фёдорович выделил четыре штуки, да и их корабли вовсе не торговыми судами были, и сами могли пушками огрызнуться, в случае чего. Вот только груженные все были настолько, что Миних только головой качал. Надо было учесть миллион нюансов, и, слава богу, что Воронцов взял на себя часть хлопот. Но они справились, во всяком случае, Миних очень на это надеялся. Всё-таки опыт хозяйственный у обоих был. Но каждый день нет-нет, да и проскальзывала мыслишка о том, что что-то они точно забыли.

Вяземский подошел к двум шефам этой экспедиции.

– Пришёл высочайший приказ немного задержаться. Нам должны будут доставить важный груз, надо его обязательно дождаться. – Заявил он. – Так что можете на берег спуститься, пока возможность такая имеется.

– Я, пожалуй, останусь, – Миних задумчиво потербил губу. – Лучше ещё раз по спискам всё проверю, ежели забыли чего, то лучше уж сейчас об этом узнать, когда возможность имеется исправить положение.

– А я пойду, в салон напоследок загляну, сколько нам надушенных ручек лобзать не придётся? – Воронцов хохотнул и направился к трапу, ведущему на пристань. Вяземский быстро догнал его, обговорив с Минихом его небольшую ревизию, чтобы всех боцманов предупредить, да в помощь графу отрядить. – А чего мы ждём, не подскажешь, любезный Константин Романович?

– Нет, Роман Илларионович, не подскажу, не знаю, – развёл руками Вяземский. – Секрет какой-то. Ничего, привезут – узнаем. Какие в море могут быть секреты?

– Откуда везут-то? – Воронцов задумчиво посмотрел на адмирала. Они стояли на пристани, и даже отсюда были видны дворцы Петербурга. Сколько он не увидит столицу, и увидит ли её вообще? Роман Илларионович старался не думать об этом. Он сам вызвался возглавить

эту миссию и не сожалел ни минуты о принятом решении. Единственное, коронацию пришлось пропустить, но тут уж простив обстоятельств не погрешь. Однако за здоровье императора они выпили всё честь по чести. И вот теперь очередная задержка.

– Вроде из Тулы. Да ещё кто-то из Тайной канцелярии. Груз сопровождает, и до конца пути сопровождать будет. Думаю, что он-то и расскажет подробности. – Вяземский оглянулся, словно их разговор здесь шпион иноземный подслушать мог. Из Тулы им могли везти только оружие, и теперь им оставалось гадать, что это за оружие такое, из-за которого задержали выход в море их эскадры.

Москва гудела как потревоженный улей. Все от мала до велика обсуждали мой Манифест. Ну, про мальцов – это я, конечно, утрирую, но все, кто уже более-менее соображал пытался понять смысл сказанного, а также напечатанного везде, где только можно. Не знаю, что происходило в других городах, у меня быстрой связи с ними не было, но, подозреваю, что тоже самое.

Для меня было самым странным, что это не указ о всенепременной службе, как мужчин, так и женщин вызвал такой переполох. Об этом посудили, да пожали плечами. Всё равно многие и так служили так или иначе, так что непринципиально. Для женщин же сразу был оговорена совершенно не напряжённая, не отнимающая время от мужей и балов служба. Уж пару часов в день каждая сможет найти, чтобы в больницах помочь, или ребятишек чему-то научить. А уж совсем буки – вон, пускай общественными библиотеками занимаются. Так что этот указ хоть и вызвал перешептывания, но не более.

Также не вызвало недовольство определение новых правил службы для солдат – пятнадцать лет и в запас с пенсией и наделом на Урале, за Уралом, и в новых землях на выбор. Хочешь поближе к столице – то без надела, но с пенсией. Не слишком большой, но даже это было впервые. Наоборот, этот указ был принят на ура и с большим энтузиазмом.

И даже изменения в работе промышленного сектора не вызвали шквала эмоций и постоянного бубнёж. Там тоже были впервые определены и регламентированы правила для работ на мануфактурах и других предприятиях. Этаким трудовой Кодекс, который будет определять жизнь как рабочих, так и хозяев мануфактур в ближайшее время. Конечно, он будет постепенно меняться. Но сейчас там было строго определено, что рабочий – это лицо мужского пола, прошедшее специальную рабочую школу или закончившее реальное училище. Определено понятие смена – не более восьми часов в сутки. Не хочешь прерываться – вот тебе три смены, ночная оплачивается дороже. Что-то не нравится, специальная комиссия много нарушений выявила, можешь и лишиться своего производства в пользу государства.

Да что уж там, если даже упоминание начала крестьянской реформы вроде поначалу подняло волну, но потом всё успокоилось, потому что начало – это не вся реформа, которая будет идти постепенно в течение многих лет и в итоге приведет к отказу от крепостного права. Всё это, конечно обсуждалось, но не вызвало желания немедленно устроить бунт.

Нет, самым возмутительным посчитали пункт Манифеста, посвященный всеобщему образованию. Причём тут возмущение достигло как верхи, так и низы. Никогда ещё народ Российский не был настолько един в своём мнении, которое можно было выразить парой слов: «На хрена?»

Объяснять я ничего не стал, если не понимают, то и не поймут, а некоторые вещи проще один раз приказом утвердить, чем бегать за каждым и пытаться донести, казалось бы, элементарную истину. Тем более, что реакция была такой, словно я не писать и читать учиться заставляю, а как минимум ежегодный шабаш на Лысой горе устраивать с оргиями и приношением в жертву дьяволу девственниц и младенцев.

Это было настолько выше моего собственного понимания, и настолько вывело из себя, что я пребывал в последние пару дней в состоянии перманентного бешенства. Так что подходить ко мне с каким-нибудь идиотским вопросом категорически не рекомендовалось.

– У тебя такой вид, будто ты сейчас возьмешь своё замечательное ружьё, которое ты обнимаешь и гладишь нежнее, чем меня, и пойдешь убивать, – Мария обошла стол, за которым я работал, погрузившись в бумаги, и положила руку мне на плечо. Я потёрся щекой о тыл её ладони и прикрыл глаза.

– И они ещё чуть ли не бунтуют, когда я заставляю их сделать элементарную вещь: научиться самим и обучить своих детей грамоте. Я же не заставляю каждого крестьянина вместе с Д'Аламбером длины волн высчитывать, – слегка успокоившись, я протянул ей бумагу, которую сейчас изучал. – Вот что помешало этому Тяпкину прочесть Манифест и идущие за ним указы? Может быть, я над душой стоял. Ну ясно же сказано, не пускать на мануфактуру детей моложе тринадцати лет, которые не умеют работать со станками! Вот, полюбуйся, двенадцатилетнему мальчишке палец оторвало, потому что сунул его к новому челноку по незнанию. Уэсли Гибсоном, наверное, себя вообразил. Идиоты!

– Кем он себя вообразил? – Мария в голосе Марии прозвучало такое удивление, что я даже обернулся, посмотрев на осунувшееся личико.

– Да был такой крендель в Англии, челноки пальцами в станке умел выхватывать, – я потёр шею, столько лет здесь, а всё не могу как следует базар фильтровать, то и дело словечки разные проскакивают. Когда только попал, и то лучше было. Но там у меня другая проблема была, я никак не мог понять поначалу, на каком языке вообще говорю. – Ты лучше скажи мне, как вы? – я ещё больше развернулся и положил руку на живот, почти невидимый за пышными одеждами.

– Сегодня хорошо, – Мария слабо улыбнулась. – Мне вообще здесь в Москве как-то лучше дышится.

– Может столицу сюда перенесём? – спросил я.

– В этом нет особого смысла, – она снова улыбнулась. – Я же только во время беременности неважно себя у моря чувствую. А в остальном мне очень нравится Петербург.

– Он серый, он всегда серый и почти всегда облачный. Ну, и туманы. Не такие, как в Лондоне, но всё же. – Я внимательно смотрел на неё.

– Туман – это романтично, – Мария вздохнула, а затем решительно добавила. – Если столицу и переносить, то так, чтобы она хоть немного ближе к отдаленным землям находилась. Чтобы за всеми приглядывать можно было одинаково пристально.

– Например? – я думал о переносе столицы. Мне нравился Петербург, всегда нравился и в той жизни, да и в этой, если разобраться. Но. Если я хотел дорожный бум устроить, и поторопить Эйлера с созданием железной дороги, то лучше столицу вообще куда-нибудь в район несуществующего пока Новосибирска перенести. Но на такой экстрим я пока точно не пойду.

Так что, похоже, никуда переносить мы столицу не будем. А с дорогами нужно что-то делать, это факт. Мне же не нужны автомагистрали пятиполосные. Мне бы хорошие грунтовки на нормальной подложке и с хорошими обочинами организовать. На северах-то точно пока делать с этой идеей нечего. Там и в мои времена только зимники выживали. Но тут реки, пока шикарные и полноводные, вам в помощь, дорогие товарищи.

Мария же, которая всё это время обдумывала мой вопрос покачала головой.

– Не знаю. Я никогда не задумывалась над этим, – она быстро пробежала глазами по тексту бумаги, которую всё ещё держала в руке. – Это ужасно, Пётр, с этим надо что-то делать.

– Надо, я разве спорю? Вот только что?

– А почему бы не создать по маленькой школе ремесла при каждой мануфактуре? – теперь уже я вздохнул.

– Не получится, некоторые сами очень маленькие, и не сказать, что слишком рентабельные. Да и, чтобы что-то вроде таких школ создавать, надо, мать их, заставить народ читать выучиться и считать. Чтобы пальцы куда попало не совали, – я снова почувствовал, что закипаю.

Надо производство расширять, причём конкретно так. Нужно технологии внедрять. А они мне такое устраивают. И самое главное, я знаю, почему они это делают. Боятся, что не у дел останутся, вот почему. Прогресс тормозится всегда только одним – страхом.

Как крестьяне категорически были настроены против тракторов, даже диверсии совершали, выводящие машины из строя. И только потому, что боялись остаться со своими лошаденками остаться на задворках истории. И с места сняться на новую землю с тем же, мать его трактором, переехать боязно. Ну, не насильно же переселение устраивать, в конце концов.

Вот так и получается, что где-то чуть ли не головах друг у друга живут, причём в нищете, а где-то полтора человека на тысячу километров. И так по всей нашей необъятной империи.

– Мне надоело считать непонятно чем, – внезапно сказал я, зацепившись в мыслях за этот несчастный километр. – У нас десять пальцев. Ту же грамоту на пальцах проще объяснять, чем пытаться словами в тупые головы вбить, в которых только ветер гудит.

– Я тебя не понимаю, – Мария выглядела удивленно.

– Я хочу всё считать десятками. Это удобно. Вот хочу и всё тут. Могу я чего-то хотеть?

– Конечно, можешь, ты же самодержец. – Машка ответила мне, но сути так и не уловила.

– Я ещё и самодур, и хочу самодурить, – я схватил ручку и принялся писать письмо Эйлеру по-немецки, а Ломоносову по-русски. Чтобы систему метрическую начали разрабатывать. Эталоны веса и длины создавать, и чтобы сделали это быстрее, чем англичане со всякими французами. Потому что мне действительно надоело считать верстами и пудами. – Вот, будет метр, как эталон, и килограмм. – Сказал я удовлетворённо, ставя точку и посыпая бумагу песком.

– Почему метр? – Мария нахмурилась.

– А почему бы и нет? – я пожал плечами.

– Действительно, – она рассмеялась. Уже привыкла к этой моей манере. И тут побледнела и положила руку на живот. А потом слегка согнулась и застонала. Я вскочил и поддержал жену за спину.

– Что с тобой? – она не ответила, лишь глубоко задышала, а потом выпрямилась.

– Я не знаю, похоже на схватку, – и снова тихонько застонала.

– Что? Но ведь ещё рано! Черт бы вас всех подрал. Бехтеев! – я так заорал, что Мария даже выпрямилась, но потом её так скрутило, что я подхватил довольно легкое, несмотря на беременность, тело и потащил к выходу. Дверь открылась, когда я уже к ней подбежал. – Лекарей в спальню её величество. Живо! Не придут через пять минут, поедут в Иркутск белок лечить.

Уже когда я подходил с тихонько плачущей Марией на руках к её спальне, в голове мелькнула суматошная мысль о том, что письма я так и не отправил.

Глава 2

Пётр Румянцев отодвинул штору и посмотрел на улицу. прямо перед окнами пробежали четверо каких-то оборванцев. Наверняка мародёры, спешащие вынести из спешно покидаемых богатых домов то, что до них не успели вынести более удачливые парни.

Беспорядки, казалось, не закончатся никогда. А эти упрямые бараны из правительства республики всё никак не могут принять правильного решения. Ну, видят же, что толпа обходит штаб-квартиру Ост-Индийской компании по широкой дуге.

И ведь понимают, что обходят, потому что боятся: раз попали под раздачу, и пока больше не хотят. И всё равно, вцепились в свои кресла, как вошь в волосы, и никак не хотят на попятную идти. Нет, чтобы людишек пожалеть, как дети малые, ей богу. Неужели им плевать и на простых голландцев, и на собственные жизни? Ну так хоть бы детей собственных пожалели. Ведь, когда озверевшая толпа врывается в дом, особенно тех, кого считает виноватым в собственных бедах, то никого не щадит. И особенно сильно тогда достаётся именно тем, кто не в состоянии защититься: женщинам и детям.

В комнату, бывшую когда-то кабинетом казначея компании, вошёл Криббе. Увидев стоящего у окна Румянцева, он кивнул и закрыл за собой дверь, чтобы лишние уши попотели, подслушивая их разговор.

Они сделали это довольно просторное помещение чем-то вроде штаба, когда ещё не знали о подходе войска Румянцева. Оно было самым просторным, и из него было удачно видно и то, что происходило на улице, и то, что творилось на заднем дворе.

Сейчас, кроме того, что в комнате проходили совещания, в ней принимали гостей, в основном бьющихся в приступе истерики и умоляющих сделать хоть что-то, чтобы прекратить это безумие. Из тех, кто внял голосу разума и всё-таки добрался до защищенного со всех сторон подворья, а не сидел дома, вцепившись в нажитое добро.

– Сколько нам ещё ждать момента, когда у Вильгельма Оранского хватит ума обратиться к нам за помощью, он ведь видит, что происходит, – раздраженно проговорил Румянцев, глядя на Криббе исподлобья.

– Конечно видит, не слепой же, – усмехнулся Гюнтер. – С тех пор, как его притащил сюда Головкин, он только и делает, что заламывает руки и причитает. Даже его жена ведёт себя более достойно и старается вместе с другими женщинами устроить наш быт.

– Насколько мне известно, она просила Вильгельма отправить её с детьми в Лондон, но он сумел только до русского посольства добраться, когда начался бунт. Может быть, он не обращается к нам с просьбой, потому что надеется на помощь Англии? – предположил Румянцев.

– Англичане, помогающие голландцам? Это звучит как анекдот, – покачал головой Криббе. – Но, с другой стороны, это шанс для Георга покончить раз и навсегда с войнами и полностью подчинить себе Северные провинции. Но для этого ему тоже необходимо знать, что в его помощи нуждаются и её примут. К тому же он сейчас очень занят. Ему не до Голландии.

– И что же делать? – Румянцев сжал кулаки. – Мы можем сидеть здесь до бесконечности, потому что не можем пойти подавлять бунт без всех обговоренных условий. Пётр Фёдорович нас просто не поймёт, если мы так поступим.

– Вот так и получается, что мы его выкурить отсюда не можем, и одновременно, он сам ничего не предпринимает, малодушная сволочь, – ругнулся Криббе.

– Да ещё и коронацию пропустили. – Мрачно вторил ему Румянцев. – О, Александр Гаврилович, а мы только с Гюнтером о тебе говорили. Всё нам было интересно, как это ты умудрился штатгальтера сюда приволочь, а беседу о том, что такие славные воины, как мы, вполне

можем избавить все четыре провинции от этой напасти, но не бесплатно, нет, не бесплатно, – Румянцев сделал шаг навстречу зашедшему в комнату Головкину.

– А я, собственно, по этому поводу сюда и пришёл, – Головкин коротко поклонился, приветствуя двух самых доверенных помощников, и даже друзей императора. – Анна Ганноверская сделала всю работу за нас. Ей так сильно надоело здесь сидеть, не имея возможности выехать, да просто выйти, чтобы прогуляться, что она надавила на мужа. В общем, Вильгельм просит графа Румянцева о помощи в подавлении бунта и хочет обсудить условия.

– Ну, наконец-то, – Румянцев закатил глаза и истово перекрестился. – И где он?

– Подойдёт с минуты на минуту, – Головкин немного замаялся, а потом добавил. – Вы же не будете возражать, если я составлю вам компанию? Может быть, мой обширный опыт поможет получить больше, чем штатгальтер хочет отдать сейчас.

– Ну, конечно же, Александр Гаврилович, я и сам хотел попросить тебя присутствовать, чтобы мы с Гюнтером по неопытности в подобных делах такого не наделали, что сами в итоге должны не остаться. – Радушно закивал Румянцев.

Головкин прошёл по штабу и сел за стол, задумчиво глядя на Румянцева. Как же быстро молодежь переняла привычку Петра Фёдоровича так коротко волосы стричь. Даже уши с шеей не прикрывает причёска.

Сам-то он до сих пор оставался верен пышным парикам. Ладно ещё Криббе, который свои длинные темные волосы лентой перевязывал, а тут...

И Головкин неодобрительно покачал головой. Никогда он не поймёт этого аскетизма, который проповедовал Пётр Фёдорович, и который с такой охотой подхватывали его молодые подданные.

Но рассуждать про нравы молодежи ему не дал штатгальтер, который вошёл, в сопровождении своего советника и секретаря, и сразу же прошёл к столу, расположившись напротив Головкина.

Александр Гаврилович поджал губы. Сколько нужно было ещё раз сказать этому болвану, чтобы тот понял – переговоры он будет вести с графом Румянцевым. Именно Пётр Александрович будет определять, какая плата будет достойна за спасения республики. Переубеждать он никого не стал, просто поднялся со своего места и пересел на соседний стул, предоставляя возможность Румянцеву расположиться напротив Вильгельма и начать переговоры.

– Что вы хотите, граф, за помощь в усмирении толпы? – устало проговорил Вильгельм. Он впервые оказался наедине с подобными трудностями и совершенно не знал, что нужно предпринять. Надежды на милицию, которая должна была охранять прежде всего его самого и олигархов разбились вдребезги, когда прямо на его глазах стражи порядка перешли на сторону бунтующих.

– Вы слишком откровенны, вам не кажется, ваше высочество? – Румянцев слишком много времени провёл с Петром, чтобы не перенять манеру императора разговаривать с собеседником.

– Я не вижу смысла тянуть ещё дальше. И так понятно, что наши союзники не придут, и не помогут нам. А если мы ничего не предпримем еще пару недель, то в итоге получим только пепелище на месте некогда богатой и процветающей страны. Олигархи взывают меня о помощи. Власти провинций каждый день шлют гонцов, из которых до меня добирается едва ли каждый шестой. По всей стране рыщут озверевшие банды. А тех же олигархов и провинциальных властей с каждым днем становится всё меньше. Практически никто сразу не сбежал, просто не верили, что эти выступления могут вылиться вот в такое. А теперь уже поздно. – И он закрыл лицо руками.

– Ваше высочество, а почему вы вообще столько терпели, прежде, чем насмелиться и подойти ко мне со своей небольшой просьбой? Чего вы ждали? – Румянцев прямо смотрел на него. – Я вам сам отвечу. Вы думали, что мы поможем вам просто так. От всей широты

русской души. И даже не попросим сказать «спасибо» за помощь. – По тому, как потупился Вильгельм, Румянцев понял, что не ошибся. Он только головой покачал. – Пётр Фёдорович предупреждал, что так и будет. Поэтому я тоже не буду ходить вокруг да около. Нам нужен протекторат над всеми четырьмя провинциями.

– Вы хотите, чтобы республика вошла в состав Российской империи? – Вильгельм уставился на Румянцева, но тот отрицательно покачал головой.

– Нет, разумеется. Я же сказал, протекторат. Вы не будете принимать ни одного решения без согласования с Петербургом. И любое предложение Петербурга будете рассматривать в приоритете над всеми остальными. Не так уж и много за возможность вообще сохранить страну, не так ли? – Головкин посмотрел на молодого графа с удивлением, а Криббе отвернулся, чтобы спрятать ухмылку. Сейчас Румянцев как никогда напоминал Петра Фёдоровича. Головкин же с Петром общался мало, и просто поражался наглости Румянцева. Граф практически припирал штатгальтера к стенке, не давая возможности для того, чтобы защититься.

– Это совершенно невозможно, – Вильгельм вытер пот со лба. – Олигархи никогда не пойдут на подобный шаг.

– Хорошо, – Румянцев откинулся на спинку стула. – Если всё дело в олигархах, то давайте просто подождём, когда их количество сократится до договороспособного минимума.

– Что вы такое говорите? – Вильгельм смотрел на графа и быстро моргал. – Как вообще можно о таком говорить?

– Достаточно непринужденно. Я никуда не тороплюсь. Припасов нам хватит, чтобы ещё год как минимум здесь осаду держать. Вас я ни в коем случае не удерживаю, можете прямо сейчас уезжать вместе с семьей. Я всё равно возьму Голландию и установлю здесь протекторат Российской империи, даже, если вообще ни одного олигарха или представителя власти не останется в живых, – Румянцев слегка наклонился, став к штатгальтеру гораздо ближе. – Вам-то какая разница, кому подчиняться? Или вашему тестю его величеству Георгу, или же его величеству Петру Фёдоровичу. Но сейчас я предлагаю вам сохранить ту власть, которая у вас имеется. Пока предлагаю. Следующее моё предложение будет куда болезненнее.

– Мне нужно всё хорошо обдумать и написать заинтересованным лицам, – немного помолчав, ответил Вильгельм.

– Прекрасно, – Румянцев улыбнулся. – Тогда встретимся ровно через неделю. Полагаю, вы уже сможете получить ответы. Предупреждаю сразу, та встреча будет последней. Я понимаю, вам предстоит принять тяжелое решение, но в этих обстоятельствах хорошего решения просто нет.

Штатгальтер вышел, за ним выскочили помощники, которые ни слова не сумели добавить в этих переговорах, которые звучали скорее, как ультиматум.

– Хм, – Головкин задумчиво смотрел на Румянцева. – Это было очень странно, Пётр Александрович. Получается, что мы не вели переговоры, мы угрожали, пользуясь безвыходным положением властей Северных провинций. Как-то это, не слишком благородно, не находишь?

– Нет, не нахожу, – Румянцев встал и снова подошёл к окну. Мимо штаб-квартиры куда-то шла толпа, выкрикивая требования. Правда, похоже, они уже и сами не понимали, чего хотят, насколько их выкрики были бессвязными. – И я в точности выполняю указания его величества. Я только не пойму, как он вообще мог сюда прийти с уверенностью, что мы согласимся на меньшее? И это после того, что Пётр Фёдорович сделал с Ост-Индийской компанией. Наверное, я никогда их не пойму. – И Румянцев вышел из комнаты, оставив Криббе наедине с Головкиным.

– Криббе, а ты почему молчишь. Этот мальчишка сейчас переступает через все каноны дипломатии, а мы молчим, – Головкин повернулся к Гюнтеру.

– Всё правильно он сказал. Пусть олигархи потом разнесут благую весть о том, что Российская империя больше даже не почешется за просто так. – И Криббе вышел вслед за Румян-

цевым. Остановившись возле закрывшейся у него за спиной двери, он прошептал. – А ещё я всё больше и больше уверен в том, что Пётр каким-то образом причастен к этим беспорядкам. Но как он это сумел повернуть? – И он направился к Хельге, чтобы уточнить несколько вопросов, связанных с экономической обстановкой Голландской республики. Ему важно было понять, что же произошло на самом деле, и тогда он сумеет разобраться в мотивах, которые двигали Петром.

Настроение у меня было самое скверное. И оно оставалось таковым уже в течение месяца. Все это прекрасно понимали, потому старались ходить на цыпочках, чтобы ни дай бог, не привлечь ненужного внимания императора.

Началось всё с того, что у Марии в тот день, когда ей стало нехорошо в моём кабинете, случились преждевременные роды. Родилась девочка. Она была живая, но такая слабенькая, что вышедший из спальни императрицы Кондоиди обратился ко мне с совершенно серьезным видом.

– Ваше величество, дитя нужно как можно быстрее крестить.

– Всё так плохо? – я стиснул зубы, чтобы не заорать от бессилия. Самое главное, сам лекарь говорил о возможной смерти моего ребенка с таким откровенным равнодушием, что мне захотелось ему врезать. Понятно, что младенческая смертность здесь была чуть ли не нормой, а в деревнях даже имен детям не давали до определенного срока, но, чёрт бы вас подрал, мне, как императору может быть сделана скидка и проявлено хоть немного больше участия?

– Её высочество очень слабенькая, но, на всё воля божья.

– Так, ты врач, или священник? – я прижал его к стенке. Кондоиди даже слегка опешил. – Так вот, ты сделаешь всё, чтобы она выжила, понятно? Всё. С ежедневным отчётом, что и как делалось. – Кондоиди кивнул. Тогда я продолжил. – Что с её величеством?

– Боюсь, что у её величества может развиваться родовая горячка...

– Так сделай так, чтобы не развилась. Разрешаю эксперименты типа отвара из плесени и тому подобное, – прошипел я, а у Кондоиди взгляд стал задумчивый. Есть у него наработки, не может не быть. И я даю ему карт-бланш.

С этого момента прошёл месяц. Состояние Марии было ещё неважное, но, похоже, умирать она уже не собиралась, а моя дочь всё ещё была жива, и даже прибавила в весе, но опять-таки никто не мог ничего сказать определенного. И я так её и не крестил. В глубине души я признаюсь сам себе, что боюсь. Боюсь до колик, что, если пройдет крещение, то я её потеряю. Понятия не имею, с чем именно связана эта боязнь, но она не давала мне покоя.

Так что говорить хоть слово против, мне никто не решался.

За это время пришло несколько донесений с фронта. Салтыков сумел каким-то невероятным образом отстоять Дрезден, армия Фридриха откатилась, и он остановил пока наступление, пытаясь хозяйничать в Саксонии. Чего он ждал и почему не двигался к Берлину, лично для меня оставалось загадкой. Так же, как и то, почему не выходила на связь Мария Терезия. Что у них за подковёрные игрища? Но в отсутствии быстрой связи мне оставалось только гадать, что там происходит.

От Румянцева тоже не было известий. Но бунты пока продолжались, поэтому можно было сделать вывод, что он всё ещё не вступил в игру. Чего он ждал мне было неизвестно, но и Петьке и Гюнтеру с места виднее. Мне же оставалось только локти кусать в ожидании.

Зато просто невероятно быстро прошла полицейская реформа здесь в Москве. Я вообще ни с кем не церемонился. Татищев, просто крутился, и, по-моему, не спал по ночам, но меня его комфорт не заботил от слова совсем. Одно посещение разбойного приказа так вывело меня из себя, что я приказал гвардии пройти огнем и мечом по злочным местам Москвы. В результате этого рейда четыре сотни воров, мошенников и профессиональных нищих отправились покорять Аляску.

Детвору, в основном беспризорников сгребли в школы будущих колонизаторов. Их оказалось почему-то не слишком много. То ли в это время ещё мало кто выживал, то ли успели попрытаться. Но выяснить, что является причиной – это было делом полиции.

А вот почти две сотни душегубов во главе всё с тем же таким полезным для бывшего начальника разбойного приказа Ванькой Каином были казнены. Я не против казней. И пребываю в глубочайшем убеждении, что подобных товарищей не изменить. Так что каторгу в моё правление, похоже, нужно будет ещё заслужить. На время ночная жизнь в Москве становилась более-менее безопасной. Понятно, что только на время, но дальнейший контроль популяции негодяев опять-таки ложиться на полицию. И отвечать они будут за это передо мной.

Сегодняшнее утро было на редкость хорошо. Тепло, но не жарко. Легкий ветерок разгонял гнус, красота. Надо бросать на сегодня работать и лучше погулять в парке с детьми. Да с Машей посидеть. Поболтать, Пашку привести, да дочку показать. Решено. Так и сделаю.

Первым, куда я заглянул, была спальня сына. Каково было моё удивление, когда я никого в комнате не обнаружил. Ладно, возможно, нянька с воспитателем уже увели его в сад. Там и встретимся. И я пошёл в спальню дочери. В спальне тоже никого не было. Я нахмурился и прошёл напрямиком к колыбели. Она была пуста. И тут скрипнула дверь, я обернулся и увидел входящую няньку, которая тащила корзину с бельем.

– Где княжна? – прошипел я. Нянька же уставилась на меня и не могла вымолвить ни слова. – Где моя дочь?! – заорал я на неё. – Как ты могла оставить её одну?!

Не дожидаясь ответа, я выскочил из комнаты и заметался по дворцу. Вскоре на уши были подняты все. Я даже заглянул к Марии, но ничего ей не сказал, только криво улыбнулся и, чмокнув в лоб, выскочил из спальни. И тут я в толпе бестолково мечущихся придворных, которые вместе со слугами пытались найти младенца, я увидел няньку и воспитателя Павла.

– Господи, где мои дети? Если с ними что-то случилось... – я сжал кулаки и заскочил в комнату дочери. И тут моё внимание привлекло приоткрытое французское окно, которое установили во время ремонта по моему приказу. Я ломанулся к нему, как молодой лось и выскочил в сад.

Мой четырехлетний сын сидел на лавочке неподалеку от окна, а на коленях у него лежал кряхтящий кулек. При этом Пашка что-то серьезно говорил, склонившись к сестренке. Я, стараясь не делать резких движений, чтобы не испугать сына приблизился к ним.

– Вон бабочка видишь? Она красивая, смотри. Когда мама перестанет болеть, мы вместе пойдём гулять. А отец часто занят. Но он тоже с нами пойдёт.

Я очень аккуратно обошел лавочку и опустился перед детьми на колени. Пашка вздрогнул, но кулёк не выпустил, держал крепко, молодец.

– Ты решил погулять с сестрёнкой? – мягко спросил я, пытаюсь успокоить разогнавшееся сердце.

– Хельга ушла, а мне было скучно. И я пошёл посмотреть на Лизу. Она плакала, и никого не было. Тогда я её взял и вынес сюда. Я хотел ей бабочку показать, чтобы она не плакала.

– И как, получилось? – я смотрел на сына и одновременно пытался следить за ворочающейся у него на коленях дочерью.

– Ну да, Лиза же не плачет. Мне же можно её держать?

– Можно, но, Паша, только под присмотром, хорошо? Ты можешь её уронить, и тогда ей станет очень больно.

– Я крепко держал, чтобы не уронить, – заверил меня ребёнок.

– Я вижу, вы поладили. Но в следующий раз только когда кто-то из взрослых рядом будет. А теперь, давай я покажу, как держать сестрёнку правильно. Она же маленькая совсем головку сама пока ещё плохо удерживает. – Я поменял положение его руки, чтобы она легла под крохотную головку.

– Что, Лиза, так лучше? – Пашка снова наклонился над маленьким личиком, с которого на него серьезно смотрели голубые глаза.

– Лиза? Ты думаешь, что её зовут Лиза? – Я рывком сел на корточки, чтобы удобнее было подниматься.

– Да, ей нравится быть Лизой. А ты не так хотел, чтобы её звали?

– Ну почему, Лиза очень хорошее имя, так твою двоюродную бабушку звали Елизавета. А теперь давай уже пойдем домой. А потом ещё погуляем, – я поднялся на ноги и прошептал почти про себя. – Когда я выпью все капли и кого-нибудь убью. – Видя, что сын пытается встать с Лизой на руках, я снова присел рядом с ним на корточки. – А давай я Лизу возьму. А то ты её уже держал сегодня, а я нет, мне тоже охота. А ты меня за руку возьмешь.

Взяв дочку на руки, я встал и протянул свободную руку сыну. Развернувшись, я увидел, что возле французского окна стоит Мария и, приложив руку к сердцу, смотрит на нас широко открытыми глазами.

– Ты как? – я подошёл к ней.

– Я думала, что у меня сердце остановится, когда узнала, что дети пропали, – простонала она. Я осмотрел её. Она была бледна, но на ногах стояла крепко и умирающей не выглядела. Тогда я решительно протянул ей дочь. – Познакомься с Лизой.

– С Лизой? – Мария взяла её на руки, прижала к себе, а я в это время подхватил на руки Пашку.

– Да, мама, с Лизой. Ей нравится, вот сама посмотри, – наставительно проговорил сын.

– Да, точно, нравится, – Мария слабо улыбнулась.

– А мы пойдем сегодня все вместе гулять? Я Лизе обещал, когда бабочку показывал.

– Да, только сначала вы поедите. Маму и Лизу осмотрит Кондоиди, а я переоденусь, – поведя плечами, я ощутил, что рубашка насквозь мокрая от пота. – Ты справишься? – спросил я тихо, а Мария решительно кивнула.

– Мне помогут. Иди, переодевайся. Мы с детьми здесь поедим, а потом пойдём гулять.

У меня словно камень с души свалился. Именно в этот момент я понял, что всё будет хорошо. Иначе и быть не может.

Я вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. Ко мне подбежал бледный Бехтеев.

– Фёдор Дмитриевич, если я кого-то из них увижу, то, клянусь, возьму грех на душу. – Уточнять, кого я имел в виду, было не обязательно, Бехтеев сразу всё понял. – Сегодня я отдыхаю с семьей. А к завтрашнему дню подготовь всё, что я недоделал, у меня очень уж много долгов накопилось.

Глава 3

Карета остановилась возле крыльца, длинного одноэтажного дома. Из-за отсутствия второго этажа, дом казался приземистым, словно стремился врасти в землю, на которой стоял. Сидящая в карете молодая женщина вздрогнула и открыла глаза. Она уже и не помнила, когда могла нормально выспаться в последнее время. Ей всюду мерещилась погоня, а ночью снились кошмары. Рядом с ней зашевелился худенький мальчик и, подняв белокурую растрепанную голову, посмотрел на мать заспанными глазами. Он к счастью не видел того, что произошло во дворце, и мог спать спокойно, за что София ежедневно благодарила Господа.

– Почему мы остановились, мама? Мы уже приехали? – мальчик говорил по-немецки.

– Я не знаю, родной. Сейчас всё прояснится. Граф сейчас придёт и всё нам расскажет, – ответила София и в тот же момент дверь кареты распахнулась, словно тот, кто это сделал, ждал именно этих её слов.

– Ваше величество, – высокий прекрасно сложенный красавец склонился в поклоне и протянул руку, чтобы помочь женщине и ребенку выйти из кареты.

– Где мы, граф? – София принялась осматриваться по сторонам. Вокруг все утопало в зелени, а дом был хоть и одноэтажным, но большим, с множеством пристроек в виде флигелей.

– Мы с моём поместье, ваше величество, недалеко от Москвы. – Захар Чернышев повёл плечами, пытаясь разогнать поселившуюся в них боль. Еще бы, столько времени провести в седле, странно, что он вообще стоит на ногах. – Предлагаю вам остаться пока здесь. Тут очень красиво и полно слуг, вы как следует отдохнёте, да и его высочеству это пойдёт на пользу. А я пока доеду до Москвы и всё расскажу его величеству.

– Нет, – София приложила много усилий, чтобы не вскрикнуть. Она представить себе не могла, что может остаться одна, пусть даже в защищённом месте. – Простите, граф. Вы, конечно же правы, я не могу явиться ко двору императора вот так, даже не предупредив его, но хотя бы сегодня останьтесь с нами. Мне очень страшно, как вы не понимаете. К тому же, вам тоже надо отдохнуть.

– Хорошо, ваше величество, сегодня я останусь дома. Вы правы, мне необходим отдых. А теперь пойдёмте, я провожу вас и его высочество в ваши комнаты. – Он снова протянул её руку и повёл в дом, чтобы представить слугам и показать её комнаты.

Захар просто чудовищно устал. Никто не ожидал, что Варшава полыхнёт, да ещё так сильно. Словно кто-то плеснул масла на тлеющие угли. Неразбериха была страшной. По все Речи Поспалитой вспыхивали бунты, при этом мало кто мог сказать, как всё началось и из-за чего. Все противоборствующие партии сцепились друг с другом как дворовые псы за кость, и очень скоро ситуация перестала быть контролируемой.

Хотя сам Чернышев мог сказать, что начало активному противостоянию положил уход из Польши двух героических полков, бывших потешных, которые спешили прийти на помощь Ласси у которого начались первые серьезные стычки с войском Фридриха. Хаос набрал обороты меньше, чем за неделю, когда каждый магнат почти в каждом воеводстве начал объявлять себя королем Польским и Литовским. Русское посольство наблюдало за побоищем с всё возрастающим беспокойством, а в один из вечеров к Захару пришёл Ломов.

– Мне доподлинно известно, что уже сегодня поздно вечером на Понятовского будет совершено покушение, которое вполне может увенчаться успехом. Ну, а так как это всё-таки ляхи, а они в пылу битв просто звереют от вида крови, – при этом Турок поморщился, выражая тем самым своё отношение к полякам, – то вполне могут попытаться заодно убить всю семью. И их при этом мало будет волновать, что Варшавский трон не переходит от отца к сыну, и польский король выбирается магнатами.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил Чернышев нахмурившись.

– Мне не было приказано спасать семью, если ей будет угрожать опасность, – уклончиво ответил Ломов. – Но я решил, что это неправильно, не по-людски получается. Мальчонка-то уж точно не виноват ни в чём. А у тебя, Захар Григорьевич, поговаривают, неплохие отношения с королевой случились.

– Тебе виднее, Андрей Иванович, – хмуро ответил тогда Захар. – Ты вообще, лучше всех нас осведомлён о том, что происходит.

– Нет, не осведомлён и это вызывает у меня мигрень. – Признался Ломов. – Одно могу сказать, Пётр Фёдорович при любом раскладе будет недоволен. В Речи Посполитой такое безобразие точно не планировалось. Как теперь всё это остановить, ежели у каждого магната своя армия имеется? У кого больше у кого меньше, – он покачал головой. – Не знаю, в общем. Так что думай, решай. Ну а ежели решишься, то вам придётся из страны так быстро убегать, как только кони выдержат. Вот, это мой отчёт, передашь Петру Фёдоровичу, может быть, он поймёт, что здесь творится и как нам быть дальше. – Турок протёр лицо, а Захар только сейчас разглядел, как сильно осунулось его молодое лицо с вечной наглой улыбкой.

Андрей устал, как никогда ещё не уставал, он буквально носом землю рыл, но никак не мог понять, где полыхнуло в первую очередь. У него складывалось ощущение, что всё недовольство друг другом и всеми вместе возникло одновременно во всех местах. Вот только, так не бывает, уж это Турок усвоил уже давно и знал, как «Отче наш».

Ломов ушёл, а Захар остался думать, что делать дальше. Спасти королеву Софию с наследником? Как-никак принц наследник, если и не польского трона, то магнатов Понятовских, так точно. Но ему не поступало никаких бумаг от государя. Так может он проявить инициативу в таком весьма сложном вопросе, или нет? Нужно ли государю, чтобы королева с сыном остались живы и не сгинули во время покушения? Захар долго ломал голову, проклиная про себя этого преданного пса Петра Ломова. Вот зачем он пришёл и всё это на него вывалил? Сам Чернышев утром уже уехал бы, ни о чём не подозревая, теперь же он вынужден мучиться сомнениями.

Наконец, вытащив крест, Захар поцеловал его и пробормотал.

– Ежели Господь допустил, чтобы эта сволочь Ломов до меня добрался, и я узнал об опасности, которая грозит им, значит, хочет он дать Софии шанс на спасение. – Он даже испытал некоторое облегчение, когда принял наконец такое непростое решение.

И, несмотря на то, что у него уже всё было готово к отбытию, Захар едва не опоздал. Первым он вынес проснувшегося, но плохо понимающего, что происходит Станислова, а когда вернулся за Софией, то прорываться к выходу пришлось уже с боем. Сначала у графа мелькнула мысль попытаться спасти короля, но, когда на него надели сразу трое шляхтичей, он оставил эту затею, и вытащил из дворца только Софию.

А дальше началась эта сумасшедшая гонка, которая закончилась сегодня у поместья Чернышева близ Москвы, где сейчас находился государь с двором.

Приведя себя как следует в порядок, впервые с тех пор, как они покинули Варшаву, Чернышев и польская королева вместе отужинали и разошлись по своим комнатам. За весь вечер они и двух слов друг другу не сказали.

Станислав уже давно спал. Он не понимал по-русски и не мог бы общаться с дворней, если бы его воспитатель пан Ковальский не проявил прозорливость и не сбежал вместе со своим воспитанником. Он и помог юному Понятовскому принять ванну, поесть, и пораньше уложил спать измученного дорогой ребенка.

Такую же прозорливость проявила горничная Софии Агнесса. Которая не просто сумела выбраться вместе с госпожой, но и каким-то невероятным образом умудрилась забрать некоторые вещи и все драгоценности королевы. За всё это София была ей благодарна, как и пану Ковальскому, который взвалил на себя основную заботу о её сыне.

София посмотрела на себя в зеркале, возле которого сидела, расчесывая волосы перед сном, и грустно усмехнулась.

– Всего двое слуг, и весьма туманное будущее, вот что осталось тебе, Фике, – прошептала она, обращаясь к своему отражению. – А ведь, если бы ты не была такой дурой, то сейчас могла бы стать Российской императрицей. – Она глухо рассмеялась, и снова посмотрела на себя. – Но ведь можешь же ты хотя бы сейчас урвать кусочек чисто женских радостей? – Решительно отложив щетку, она встала и, запахнув халат пеньюара, направилась к выходу из спальни.

Захар уже задремал, когда дверь его спальни приоткрылась и внутрь скользнула женская фигурка. Он приподнялся на локтях, глядя как она приближается к его постели.

– Ваше величество, что-то случилось? – Он не стал заводить их отношения дальше легкого флирта в Варшаве. А вот сейчас ему надо было снова решить, что делать: отправить её со всем почтением обратно в выделенную её спальню, или же...

София видела его колебания и сбросила на пол халат, оставшись в полупрозрачном пеньюаре. Граф судорожно вдохнул, и, вместо того, чтобы проводить её из своей комнаты, отбросил в сторону одеяло. Он так долго был без женской ласки, так что послал все предостережения разума подальше. Будь, что будет. Больше, чем он уже рискнул, riskовать просто невозможно.

Двор готовился к возвращению в Петербург. Дел было слишком много, а практически все государственные структуры остались именно в столице. Маша и Лиза окрепли настолько, что вполне могли перенести путешествие, так что, предоставив жене руководить сборами, я сам заперся в кабинете с пачкой донесений, которые только сегодня утром привёз курьер.

Мысли постоянно соскальзывали на Марию. Чтобы я ещё раз прошел вместе с ней через такую беременность? Да ни за что. Я в медицине разбираюсь херово, но даже мне понятно, что это всё было не нормально. Да ещё и разная дичь в голову лезет вроде таких матерных для меня выражений, вроде «резус-конфликт». Где гарантия того, что это не был тот самый конфликт? Ни группу крови, ни резус-фактор ещё очень долго определять не смогут, даже при довольно бодро развивающейся науки за такие вещи могут сжечь, стоит начать про них даже намекать. Ты ещё про гены всякие вспомни, Пётр Фёдорович, и прочих Чебурашек. Про это пока рано даже заикаться. Так что смирись и просто не допускай беременности жены. Справишься? Постараюсь, и буду стараться изо всех сил.

Приведя мысли в относительный порядок, я вернулся к докладам. Так что тут у нас.

Доклад был от Румянцева. Петька сообщил, что договоренность с Вильгельмом Оранским достигнута и он приступил к подавлению бунта. Начал с Амстердама, и вполне успешно. Оставив город под управлением Криббе и Головкина, он двинулся в сторону Зеландии, где беспорядки были как бы не больше, чем в Амстердаме.

Я отложил письмо в сторону и усмехнулся. Естественно в Зеландии до сих пор всё бурлит, с этой же провинции началось это светопреставление, которое закончится внешним управлением Голландией моими людьми. А там, люди попривыкнули и можно потихоньку и о присоединении подумать. К чему присоединить, к тому времени найдём.

Снова подняв письмо, я прочитал традиционное уже нытьё Петьки на тему: «Верните меня обратно, заменив кем-нибудь, я к жене молодой под бочок хочу, а то уже скоро от святости светиться начну».

– Ничего, потерпишь, – ответил я ему вполголоса, словно Петька мог меня услышать. Покачав головой, снова поднял письмо.

В конце Румянцев решил за что-то отомстить Гюнтеру и сдал того с потрохами, написав про весьма нежную дружбу Криббе с моим главным бухгалтером. Настолько нежную и настолько тесную, что эти грешники уже даже никого не смущаясь живут в одной комнате, а вторую отдали для нуждающихся. Отдали и перестали скрывать отношения, потому что комнат

для нуждающихся в превращенной в казарму или общагу, что ближе к истине, штаб-квартире Ост-Индийской компании катастрофически не хватало.

– Надо бы намекнуть Гюнтеру, чтобы не выеживался и женился, раз уж пошла такая пьянка. Да и Хельге будет проще. Мало кто пасть посмеет на жену Гюнтера Криббе открыть, – я достал бумагу и принялся писать ответ. – Плохо, что Вильгельм умудрился выжить, но ничего, мы просто не будем спускать с него глаз, – пробормотал я. Новых вводных пока не давал, пусть закончат то, что уже начато, но небольшую коррекцию провести стоило, с учётом открывшихся фактов, таких как жизнь Вильгельма Оранского и его Ганноверской жены. Вот ведь жук какой, сообразил, что надо в русское посольство бежать. А мне теперь из-за него планы нужно корректировать.

Написав письмо в Голландию, я открыл следующий доклад. На этот раз от Салтыкова. Пётр Семенович писал, что Дрезден сумел отбить два штурма, и всё благодаря изобретённой системе артиллерийской обороны Грибовалая. Если бы не это, то вряд ли они сумели бы отстоять город под бешеным натиском пруссаков до подхода Преображенцев. К тому времени, как полк подоспел на помощь, Фридрих уже отошёл, оставив пару полков, которые должны были продолжать осаду.

Преображенцы прямо с марша ударили осаждавшим в тыл, а сам Салтыков вовремя сориентировался и добавил соей артиллерией, а потом вывел за стены свой полк, для того, чтобы помочь добить противника. Так что Саксонию Фридрих пока не смог взять. Пётр Семёнович с удовольствием оставил бы у себя Преображенцев, но Ласси они требовались гораздо больше, потому что противостоять в одиночку армии Пруссии и Ганновера – это то ещё удовольствие. Сам же Салтыков сейчас активно скупает припасы, заполняя склады и армейские магазины, чтобы в случае повторной осады можно было продержаться как можно дольше.

Третий пакет был как раз от Ласси. Он заперся в Берлине, под защитой весьма важных заложников, и докладывал, что казаки и башкиры потихоньку кошмарят армию Фридриха на марше, да и на привалах тоже. А ещё Ласси признался, что потратил часть доставшейся нам прусской казны на то, чтобы нанять швейцарцев. То есть, там не только швейцарцы, конечно, но суть от этого не меняется. Собственно, на этом донесение и заканчивалось. Вскользь было упомянуто, что швейцарцы уже провели первые бои с армией Ганновера, которая дошла до Пруссии почему-то быстрее, чем сам прусский король, который, похоже, где-то потерялся по дороге.

– Вот поэтому мне и нужна качественная связь, а то моя врала, а твоя не разобрала получается. Кто-то говорит, что Ласси уже вступил в бой, а сам Ласси утверждает, что у него пока всё тихо. – Я встал и потянулся. Этим ничего писать не надо. Хотя, нет, надо. Похвалить за работу. Снова сев за стол, я быстро набросал слова благодарности за службу и пожелание продолжать в том же духе. Вот теперь, кажется, всё.

Подойдя к окну, посмотрел на улицу. Погода отличная, погулять что ли? Всё равно скоро уезжаем, поэтому неотложные дела уже сделаны, а другие слегка заморожены, так что у меня совершенно неожиданно появилось свободное время, которое можно провести с семьей.

– Ваше величество, – в кабинет заглянул Бехтеев. – Прибыл Захар Чернышев и просит принять его.

– А он-то тут какого лешего забыл? – я невольно нахмурился. – В Польше вроде какие-то нездоровые шевеления начались, а он домой вернулся, да ещё и без приказа.

– Так, может быть, он сумеет объяснить, если вы его примете, ваше величество, – Бехтеев быстро подошёл к столу и собрал письма с уже высохшими чернилами, чтобы отправить их адресатам.

– Хорошо, зови, послушаем, что он нам скажет. – Я вернулся за стол. Только устроился поудобнее, как зашел Чернышев.

– Ваше величество, – он поклонился.

– Здравствуй, Захар Григорьевич. А теперь объясняй, что ты тут делаешь, когда должен находиться в Варшаве подле королевы Софии. – Вопрос я задал довольно резко, но граф почти никак не отреагировал на резкость тона.

– Дело в том, что я и нахожусь подле её величества, потому что она сейчас находится в Воронцово. Вместе с сыном. – Ответил Чернышев, а я почти минуту переваривал новость.

– О, как. – наконец, удалось выдать мне из себя. – И как же так произошло? Только не говори мне, что ты так очаровал Софию, что она решила бросить ради тебя своего венценосного мужа и сбежала.

– Нет ваше величество, разумеется, нет. Но, можно сказать, что её величество всё-таки сбежала со мной, что верно, то верно. – Он задумался и продолжил. – Так уж поучилось, что я узнал о готовящемся покушении на её мужа, Станислова Понятовского, и принял решение попытаться спасти августейшую семью. Но я опоздал, и мне удалось спасти только её величество и его высочество.

– Ты что же хочешь сказать, что Понятовский не пережил покушения?

– Да, вероятно, это так. То есть, я не видел его тела, но, судя по всему, это именно так. – Подтвердил Чернышев.

Я молча смотрел на него. Долго смотрел. Так долго, что высоченный Чернышев начал заметно нервничать.

– Что происходит в Польше? – наконец, тихо спросил я.

– Я не знаю. Это даже не бунт, – ответил Чернышев. – Просто такое ощущение, что все магнаты разом сошли с ума и решили, что чем их меньше, тем лучше, а победитель в итоге получит всё.

– И что послужило причиной столь странного желания? – я продолжал в упор смотреть на графа.

– Не знаю, никто не знает. Вот, Андрей Ломов просил передать вашему величеству, – и Чернышев достал из-за пазухи объемный пакет. Бехтеев сделал быстрый шаг вперед и перехватил этот пакет, смерив меня укоризненным взглядом, потому что я едва через стол не перевалился, пытаясь схватить то, что может мне хоть что-то прояснить.

Проведя стандартную проверку, секретарь отдал мне донесение Турка, в которое я вцепился, как клещ, пытаясь отыскать рациональное зерно в происходящем.

Турок не писал ничего конкретного. Ему удалось лишь узнать, что на последнем сейме, все магнаты и воеводы переругались в хлам. Решался всё то же вопрос о престолонаследии. Никто не мог продвинуть свою идею, потому что другие блокировали их на подлёте. А так как право вето было у каждого члена сейма, то в итоге полемика едва не переросла в мордобитие.

В общем, собрались все впустую, и разъехались крайне недовольные друг другом. Да тут еще и Понятовский подлил масла в огонь, заявив, что все сейчас наглядно видят, что их сейм устарел и надо пересматривать регламент. Например, чтобы решение принимались большинством голосов, и чтобы право вето было не у всех и каждого, а, к примеру, у воеводств. Что там началось при этом, словами не описать, вот Турок, например, не смог.

Дальше началась серая зона, где Андрей даже не пытался что-то предполагать. Просто однажды Мальборкское воеводство собрало ополчение и двинуло на Плоцкое воеводство. Причины? А хрен его знает. Наверное, какие-то были. И началась веселуха и вакханалия. Как следствие погиб Понятовский. И теперь в Речи Посполитой правит анархия, к которой на удивление не присоединилось княжество Литовское. Поставило войско на границе и с тревогой посматривает на потерявших берега соседей.

Я встал и подошёл к окну. Похоже, что англичане, которые что-то начали мутить в Польше слегка перестарались. Ну, бывает, еще не слишком опытные они в этом деле, еще только руку набивают. Меня, кстати, посол английский несколько раз пытался посетить, настаивая на аудиенции. Но я пока его лесом отсылал. Жена с дочкой у меня болеют, не до послов

мне, что в этом непонятного? Пока Ушаков мне полный расклад не даст, я его не приму, чтобы дров не ломать. Но, вернемся к Польше. Что будем делать?

– Вы отправите в Варшаву войска, ваше величество? – Чернышев тоже этим вопросом мучится.

– Нет, – у меня мало данных, и там, где-то за границей Польши, войска пытаются сломать амбиции Фридриха, который, если всё пойдёт как надо, никогда не будет называться Великим. И сейчас Речь Посполитая слегка занята и уже не ударит моим ребятам в спину.

– Но, почему?

Я повернулся к Чернышеву и решил немного прояснить свою позицию.

– Потому что я не миротворец. Хватит с меня Голландии. На всех бунтующих Российской империи явно не хватит. Хотят паны развлекаться таким сомнительным способом, кто я такой, чтобы им мешать? Вот, если они приедут и попросят, тогда я ещё подумаю. А пока, – я повернулся к Бехтееву. – Фёдор Дмитриевич, готовь указ об усилении границ с Речью Посполитой. А то любит шляхта под шумок на чужую территорию залезть, чтобы пограбить, голодранцы чертовы. И поторопи сборы. Нам нужно как можно скорее вернуться в Петербург.

– А её величество? – тихо спросил Чернышев.

– А её величество, я надеюсь, примет наше приглашение и погостит у нас в Петербурге вместе с юным сыном. Ну, а ты будешь её сопровождать в нашем поезде, коль скоро взял под свою опеку.

– Я передам её величеству ваше приглашение, – Чернышев поклонился и направился к выходу.

– Захар Григорьевич, – он остановился и обернулся. – Ты всё правильно сделал. В экстремальных условиях выбрал наилучшее решение из всех. Хотя хороших там не было. Благодарю за службу.

На этот раз Чернышев уходил уже не такой напряженный. Бехтеев одобрительно кивнул и пошёл выполнять мои поручения. Я же снова подошёл у окну. Мне уже даже самому становится интересно, во что всё это выльется.

Глава 4

– Ваше величество, граф Бернсторф погиб на дуэли за день до запланированного отъезда на родину. – Перед Луизой Ульрикой склонился граф Майденг, её доверенное лицо, которому было поручено отслеживать датский вопрос.

– Вот как, – Луиза поднялась с диванчика, на котором полулежала, читая письма и подошла к окну. В стекле отразилась не слишком высокая, изящная красавица, чью талию можно было, наверное, обхватить пальцами. – Я хочу, чтобы вы поздравили Мольтку с вступлением в должность обер-гофмаршала. Передавайте ему от меня самые наилучшие пожелания.

– Непременно, ваше величество, – Майденг снова склонился в поклоне. – У вас будут ещё ко мне поручения?

– Напомни мне, сколько Фредерик задолжал Швеции и императору Петру? За все годы, естественно. И за своего скрягу папашу, и слишком расточительную мамашу?

– Почти пятнадцать миллионов гульденов, если оценивать общий долг. – Не задумываясь, ответил Майденг. – Точнее, четырнадцать миллионов семьсот тысяч. И это, учитывая тот факт, что император Пётр простил ему два миллиона в честь коронации.

– Пётр бывает слишком великодушен, иногда без всякой меры, – Луиза Ульрика продолжала рассматривать себя в этом странном аналоге зеркала. Что с ней не так? Почему среди всех мужчин, она хочет того, кто ею никогда не интересовался? – Давайте доведём сумму до красивого целого числа. Тем более Фредерик слезно умолял меня выделить ему еще немного денег, чтобы открыть Академию изящных искусств. – Королева слегка повернулась, разглядывая свою фигуру, задержав взгляд на высокой груди, виднеющейся в обширном вырезе. – Скоро мы предъявим ему этот долг. У Петра идёт война, да и колонии, как я слышала, расширяются. Ему нужнее эти деньги. Академия изящных искусств – это, конечно, хорошо, но, думаю, что она лучше будет смотреться на набережной Петербурга. И начинайте понемногу готовиться к высочайшему визиту. Думаю, что следующим летом мы вместе с Фредериком навестим императора Петра, и подпишем все необходимые документы. То, в каком состоянии сейчас находится Дания, добрая половина её не стоит тех денег, которые так бездарно спустили её короли.

– Вы думаете, Фредерик согласится? – Майденг преданно смотрел на свою королеву.

– Да кто его спрашивать будет? – фыркнула Луиза. – Тайный совет во главе с этим изящным ничтожеством Мольтке перевяжет его бантами и отправит в Петербург почтовой каретой. Потом, конечно, его отравят и примутся усиленно зализывать раны. Возможно даже, попробуют отбить то, что отдадут за долги военным путем, но время, чтобы укрепить наши новые границы, у нас с Петром будет.

– Но какой резон Тайному совету идти на уступки? Они могут сейчас отравить Фредерика и попытаться договориться насчет выплаты долга по частям? – Майденг сделал шаг к Луизе, которая в этот же момент повернулась к нему лицом.

– Вот поэтому следующим твоим зданием будет разузнать всё про состояние датской армии. Войны начинали и за меньшее. А сейчас, когда Ласси сидит и выслушивает вопли моей матушки в Берлине, который Петру ничего не должен, кроме Дрездена, который он уже отовоевал, Копенгагену нужно будет иметь очень боеспособную армию, чтобы даже начать рассматривать этот сценарий. – Луиза была истинной дочерью своего воинственного отца, который не зря выделял её среди всех своих детей за стратегический ум, который своей изощренностью иной раз превосходил разум Фридриха. – А напомни мне еще раз, Майденг, сколько нам должна Дания? Где они найдут деньги, чтобы хотя бы противостоять этим новым мортирам Петра? Кстати, не удалось договориться о их покупке? – Майденг отрицательно покачал головой.

– Думаю, ваше величество, вам лучше самой просить его величество Петра. Его представители даже слышать не хотят про это.

– Я обожаю эти мортиры. Они чем-то похожи на него самого. Вроде бы и небольшие и не создают впечатление чего-то выдающегося, но такие смертоносные. – Луиза смотрела на графа затуманенным взглядом и, казалось, видела перед собой кого-то другого. Граф сделал ещё один шаг в её сторону, но тут королева словно очнулась, и посмотрела на рослого темноволосого мужчину, поднеся руку ко лбу. – Да, ты прав, мой верный Майденг, я, пожалуй, напишу письмо Петру. Если кроме нашего договора с Данией, мы с ним подпишем ещё и договор на закупку mortar, я буду считать, что поездка удалась.

– Вы, похоже, твердо намерены ехать в Петербург, ваше величество, – Майденг разочаровано сжал и разжал кулаки, молва предписывала королеве Луизе толпы любовников, но он-то знал, что у неё нет ни одного. Она не хотела связываться с мужчинами, пока не родит наследника или наследницу, чтобы не было никаких кривотолков, если дитя родится не похожим на короля. Вот только король совсем потерял интерес к королеве, и по слухам уже несколько месяцев не посещал её спальню.

– Я надеюсь, что его величество доверит мне такую миссию, как подписание договора, – она скромно опустила глаза и улыбнулась. – Разумеется, визиты подобного уровня готовятся очень заранее, поэтому я сегодня же напишу Петру, и мы начнем обговаривать условия.

И она, подхватив юбки, вышла из комнаты, оставив графа стоять посередине, задумчиво глядя ей вслед.

– Как же хорошо, что она не смогла в свое время соблазнить этого Гольштинского змееныша, – наконец, прошептал Майденг, продолжая смотреть вслед уже покинувшей комнату королеве восхищенным взглядом.

Ведь там такая ситуация была: или он на ней женится, или его дядя. Если бы Пётр не нашел тогда выхода и решил пожертвовать собой, но спасти репутацию герцогства, всплакнул бы весь мир. Ну, или они убили бы друг друга, что тоже возможно. Нет уж, пусть всё будет так как есть. Но раскромсать Данию на куски и забрать за долги – это какой-то поистине дьявольский план. Говорят, Пётр неплохо потренировался на Голландской Ост-Индийской компании. Но ей это пошло только на пользу. Во всяком случае, главный держатель акций и фактически владелец компании не разорился, загоняя Данию в долги.

– В странные времена мы живем. – Прошептал Майденг и вышел из комнаты, чтобы начать выполнять поручения своей королевы.

– Ну что, Прокофий Акинифиевич, уезжаешь? – Михаил Петрович Бестужев вышел провожать фактического хозяина этого особняка, который в Лондоне навел так много шороха.

Его манера эпатировать публику приобрела здесь совершенно нездоровые формы. Казалось, Демидов наслаждается тем эффектом, который производит на изумленную публику, разыскивая все новые и новые способы развеселить самого себя. Но, пока его выходки не слишком выходили за рамки приличий, Бестужев не предпринимал никаких мер, хотя мог бы уже давно отписать Ушакову, чтобы тот передал весточку государю. Вот уж кто мог найти укорот на всех Демидовых, так это Пётр. Если уж Прокофий Акинифиевич от одного упоминания имя государя все бледнел и призывался к порядку, то даже интересно, как на него подействовало бы собственноручно написанное письмо?

– Да, уезжаю, Михаил Петрович. Государь Пётр Фёдорович отписался, желает, чтобы я в благословенную Италию перебирался и начинал там обустраиваться. – Без всякого ёрничества ответил Демидов. – Дом этот, да и тот, что в Уэссексе казне отписаны. Для наших людей. Чтобы было где перебиваться, когда в Лондон будут наведываться. Мальчишки обучение закончили, и я их с дядьками обратно отправил уже.

– А в телегах под двойным дном станки разобранные? – Бестужев усмехнулся, а Демидов неопределенно пожал плечами. – Англичане же не продают их, пуще сокровищ каких стерегут.

– Фи, – Демидов даже скривился. – Михаил Петрович, ты как ребёнок, право слово. Нет такой вещи, которую нельзя было бы купить за деньги. А англичане столь отзывчивые люди на самом деле, – Прокофий Акинифиевич возвёл взгляд к потолку. – Они никак не могли пройти мимо моего желания приобрести эти станочки исключительно для собственных нужд. А то, что это мое желание не могло осуществиться из-за какого-то дурацкого указа, вызывало во мне столь сильные муки и страдания, что нашлись добрые люди, которые меня от этих мук избавили.

– Ну и жук ты, Прокофий Акинифиевич, – покачал головой Бестужев. – Но, дай Бог, станки приедут в целости в Петербург.

– Да, сначала в Ораниенбаум, там у государя какие-то специальные мануфактуры строятся, где будут обучаться на этих станках, сначала мастера, которые станки делать потом будут, ну а потом все остальные, которые будут на них работать. Может быть, даже что-нибудь новое придумают, пока собирать будут. Мне то уже неведомо и знать мне про то не хочется. – Прокофий Акинифиевич поправил парик, который в глубине души ненавидел, и от которого мечтал избавиться, как только достигнет благословенной Флоренции. – Ну а вы, когда на родину хотите, Михаил Петрович?

– Как только пойму, мои цели здесь все выполнены, – Бестужев скупно улыбнулся. – Картерет что-то колеблется. Никак не может поверить в мою искренность. – Он даже зубами скрипнул от досады.

К тому же за Бестужевым очень плотно следили, и он только недавно сумел передать письмо незаметно с нарочным, которого послал Демидов. Демидов просил готовить место под станки, а Бестужев просто предупреждал государя, о том, что они затеяли такую вот игру с Ушаковым и что к нему может рваться английский посол, чтобы проверить правдивость слов Бестужева. В этом письме Михаил Петрович умолял государя не реагировать на посла, отправить того прочь и предоставить герцогу Кенту самому догадаться про истинное положение дел в Российской империи.

Сам факт того, что обычным послом в Россию отправили Роджера Грея, говорило о сильной заинтересованности Георга, а точнее Картерета тем, что им наплёл Бестужев. Но, стоит Кенту заметить, что государь фигура вполне самостоятельная, то весь план полетит к чертям. Всё держалось на волоске. Когда они с Ушаковым разрабатывали этот план, как связать Георга интригами и затормозить помощь Фридриху, да внимание на других направлениях, куда смотрит взгляд Петра Фёдоровича, ослабить, они не учли, что их могут проверять. Как-то раньше это было не принято.

Вот только, Пётр всю информацию проверять заставляет, а недруги его как оказалось вниманием не обделены и тоже умеют обучаться.

– Мой тебе совет, Михаил Петрович, – Прокофий Акинифиевич стал натягивать перчатки, чтобы уже покинуть этот город, да и сам остров, который ненавидел всеми фибрами своей души. – Ублажи уже леди Картерет. Бабёнка она в самом что ни на есть соку. Да мужской лаской дюже обделенная. Муж-то такой большой человек, такой занятой, аж страшно становится до дрожи в поджилках. Только вот на то, чтобы хоть изредка жену навещать в её опочивальне, сил-то поди уже и не достаёт. А на тебя она смотрит так, что даже у меня, отпетого богохульника и грешника пар из ушей так и прёт. Так что не будь дураком, и сам потешься и женщину счастливой сделай. А уж она за тебя мужу-рогоносцу словечко замолвит.

– Или он меня на дуэль вызовет, – усмехнулся Бестужев.

– Не вызовет. Куда он против такого красавца статного со своим пузом? – уверенно возразил Прокофий Акинифиевич. – Да и стыдно ему должно быть, за то, что жена его мужским вниманием обделённая ходит, это же и на него самого тень бросает. А неудовлетворенную

женщину за версту видать. Так что, он послушает её, да бросит недоверием мучится. Какое уж тут недоверие, вы же почти братьями станете, – Демидов хохотнул и похлопал задумавшего Бестужева по плечу. – Ну всё, прощай, Михаил Петрович, ни пуха тебе ни пера в твоих нелегких начинаниях.

– К черту, Прокофий Акинифиевич, – пробормотал Бестужев.

Демидов вышел из дома, а он так и остался стоять в холле, пытаясь найти в плане Демидова изъян. Но никакой веской причины, кроме отговорок: «Я не хочу. А как же Анна? Это вообще грех», – у Михаила Петровича не находилось.

– О, леди Картерет какая просто изумительная встреча, – раздалось из-за двери. – А я уезжаю. Какая жалость. И ведь ехать придется на корабле через пролив, а то я послал бы эту поездку к чертям, чтобы насладиться вашим прелестным обществом.

– О, господин Демидов, а как мне жаль, что вы уезжаете, – никакой жалости в голосе не было слышно, и практически сразу раздался стук дверного молотка в дверь.

Бестужев сделал знак выскочившему на стук лакею, что сам откроет, и что тот может убираться подальше и пошел открывать.

– Леди София, вы пришли навестить меня? – он помог ей войти и запер дверь.

– Я прогуливалась, и решила передать вам лично приглашение на завтрашний ужин. Мы вынуждены оставаться в Лондоне, из-за службы лорда Картерета, а сезон начнется ещё не скоро. Это всё просто ужасно.

– Да, вы правы. Сезон закончился, бедной женщине нечем себя занять, – пробормотал Бестужев по-русски, принимая решение. На что только не пойдешь ради Отчизны, сказал он себе и потянул шелковую ленту, развязывая капор, которым были закрыты волосы леди Картерет.

– Что вы говорите, и что вы делаете? – её возмущение было столь искренним, что Михаил Бестужев даже сначала подумал, что они с Демидовым ошиблись в своих предположениях.

– Я говорю, что, наконец-то, мы остались наедине, – он отшвырнул капор в сторону и притянул к себе слабо сопротивляющуюся женщину.

– Меня ждет карета, кучер, моя служанка...

– Да плевать, скажете, что лента на капоре порвалась, пришлось ждать, когда её зашьют, – и Бестужев решительно её поцеловал, а когда не получил пощечины, зато почувствовал, как она ему, надо сказать не слишком умело отвечает, то понял, что движется в верном направлении. Сейчас главное, чтобы сам государь Пётр Фёдорович не испортил их интриги.

Уже полчаса я орал на Ушакова. Орал самозабвенно и ни разу не повторяясь. Андрей Иванович же с философским видом рассматривал рукоять своей трости, всем своим видом намекая, что ору я в пустоту, и никакого раскаянья от него не добьюсь. Нет, я догадывался, что они с Бестужевым, который Михаил что-то замыслили, но размах от меня, если честно ускользал. Демидову было велено помогать Михаилу Петровичу, чем возможно, но в подробности я не вдавался, полагая, что и Ушаков, да и сам Бестужев опытные интриганы и вполне осознают последствия своих интриг. Вот только зря в подробности не вдавался, как оказалось.

Прошла неделя с тех пор, как мы вернулись в Петербург. Погода нам благоволила, поэтому добрались быстро и без дождей. Пашка постоянно просил взять его в седло, и я не отказывал. Казалось, что за эти дни мы с сыном стали еще ближе. Здесь же в Петербурге мы с ним заключили соглашение: я разрешил ему сидеть тихонько со мной в кабинете, когда я работаю.

В это время он тоже был занят «работой», в основном рисовал, а также разучивал буквы и цифири. Но это можно было делать, только, когда я там один или с Бехтеевым. Если у меня

были посетители, то Великий князь тут же выдворялся в детскую. То же касалось часов, когда он должен был заниматься с учителями, а также во время обеденного сна.

Я, если честно поначалу слегка охеревал, когда узнал, что моего ребенка планируется начинать учить с четырех лет. Вот только мне весьма доходчиво пояснили, что даже это уже поздно. Наследник престола должен быть хорошо образован. А как успеть вбить в его голову несколько языков, и кучу наук, ежели не начать изучать основы с раннего детства?

В итоге я с Машкиными доводами согласился, но поставил условие, что планы учебной программы будут проходить через меня.

Учителем я утвердил Ломоносова. Так как в некоторых моментах я сам называл себя самодуром, то и самодурствовал по полной. То есть, Михайло Васильевича никто не спрашивал, хочет он или нет, заниматься наследником. Его просто перед фактом поставили.

В общем, мы прибыли, утрясли какие-то совсем уж неотложные дела, утвердили программу обучения Пашки и тут нагрянул герцог Кент. Продолжать его игнорировать у меня не было никакого приемлемого повода, поэтому я вынужден был его принять. Переговорить с Ушаковым о странном поведении англичанина я не успел, потому что Андрея Ивановича в Петербурге не оказалось. Он уехал по делам в Пермь, что-то у него там произошло по его ведомству, не критичное, но понадобилось личное присутствие. Поэтому Кента я принимал, слабо представляя, как себя вести.

– Ваше величество, позвольте ещё раз поздравить вас с прекрасной коронацией. Правда, я многого не понял из вашего Манифеста...

– О, не берите в голову герцог, я тоже мало что в нём понял, – хотел пошутить, но по тому, как сверкнули его глаза, внезапно понял, что попал в точку. Так, Петруха, осторожно, ты сейчас идешь по охеренно тонкому льду, как любил говорить один известный персонаж не менее известного фильма.

– Я вижу, что ваши церберы на короткое время оставили вас в покое, и без своего пристального присмотра, ваше величество, – проговорил Кент кланяясь. Какие церберы, о чем он вообще говорит?

– Да, конечно, церберы. Очень емко. Емко и отражает суть, да. И вот, я, наконец, один, и мы можем поговорить. – Господи, что я несу? – И её величество так кстати уехала в Ораниенбаум с детьми.

– А что и её величество тоже? – кажется, у герцога от восторга дыхание перехватило.

– Ну конечно, – что тоже, объясни мне, чуть не взмолился я. – Это всё поляки замыслили. Представляете? Вот прямо всё до последней ноты расписали. И её величество тоже, ага. Мария же принцессой Польской была, улавливаете?

– О, да, – Кент задумался. – И почему я раньше об этом не подумал?

– Вот уж не знаю, – я развел руками. – Ведь всё лежит на поверхности.

– Мне нужно написать письма его величеству, – англичанин наконец-то решил убраться. Похоже, что из моего бреда и набора бессмысленных фраз, он вычленил нечто для себя очень важное. – Вашему посланнику будет оказана вся необходимая поддержка, ваше величество.

– Я на вас надеюсь, – после того, как он ушел, я продолжил сидеть в кресле и со своего места смотреть в окно. Что это сейчас было? Под чем я только что подписался? Кто такой посланник? Судя по всему, Бестужев.

И тут прибыл нарочный с письмом как раз от этого самого Бестужева. Очень вовремя, мать вашу. Прочитав письмо, я задумчиво смотрел на ровные строчки с завитушками. Перечитал ещё раз, бросил письмо на стол и расхохотался, закрыв лицо руками, до слез. Хотя ситуация складывалась совсем не смешная.

Как оказалось, эти истинные патриоты своей Отчизны решили меня продать англичанам. И не просто продать, а за очень большие средства. Суть аферы, а это афера, как не крути, заключалась в следующем: живёт в Петербурге император Пётр.

Вот только император он исключительно на бумажке. А на самом деле правит страной, в пользу страны, к слову, игнорируя ближайших соседей и соседей подальше, некая коалиция, возглавляемая ни кем иным, как Ушаковым. Там и Криббе в качестве упомянутого цербера выступает и оба Румянцева, и много кого ещё. Включая Ласси и Салтыкова.

Но. Существуют и, якобы преданные императору и Отчизне люди, в лице Бестужева. Которые упали в ноги англичанам, и умоляют Георга помочь им освободить от угнетателей царственного собрата, меня то бишь.

Естественно, если всё выгорит, то Англия получит всё, к чему так давно стремилась, и Россия ляжет у ног Георга как покорная куртизанка. Но это стоит денег. Больших денег и ресурсов. И пока Георг думает, что же делать, и наступило это странное затишье по всем фронтам. Вообще по всем. Ганновер, спешащий на помощь Фридриху не в счёт, похоже, это была частная инициатива нынешнего герцога.

Нет, придумано хорошо, тем более, что Георг не может не заглотить такую наживку. Давно уже эти ребята грезят о Российской империи, чтобы чувствовать себя здесь вольготно и как дома, и чтобы все ресурсы наши, включая, кстати, людские в виде армии, были в их распоряжении. И, похоже, Картерет и сам Георг созрели. Долго думали, надо сказать.

А я-то всё идиот пытался понять, почему они активнее с Фридрихом не контактят, почему Петька уже почти всю Голландию к присяге привел, а они даже не почесались. И вот он ответ. Я постучал пальцем по письму Бестужева. Как же сильно они меня хотят, я аж польщен, мать их за ногу.

Требовалось всего-ничего, подтверждение от самого несчастного угнетённого императора. Что странно. Раньше они как истинные джентльмены на слово заговорщикам и разным интриганам верили. Но тут видимо куш слишком велик, как бы поперек глотки не встал, вот и решили подстраховаться. И отправили герцога Кента за подтверждением. И я сегодня его Кенту дал. Мало того, и Машку втянул, как чуть ли не главную угнетательницу, и Польшу подтянул, вообще не понятно зачем, но пусть будет.

– Ваше величество, Андрей Иванович Ушаков прибыл, вы просили сразу же его к вам доставить, – в кабинет заглянул Бехтеев. Я встрепенулся и кивнул.

– Давай его сюда, голубчика. Я ему сейчас покажу и Кузькину мать и где раки зимовали. – Рыкнул я, поднимаясь из кресла.

Наконец, я выдохся, прошел к двери и крикнул Бехтеева. Ушаков всё так же сидел с безучастным видом, а я принялся диктовать секретарю приказы.

– В связи с изменившейся ситуацией, приказы Ласси и Салтыкову – выступать и прижать Фридриха к ногтю. Англичане не придут, они сильно заняты.

– Чем? – Бехтеев поднял на меня глаза.

– Российскую империю делят между собой в палате лордов, – ядовито произнёс я, поглядывая при этом на Ушакова. М-да, заварили кашу, старики-разбойники, мать их. – Мордвинову – путь на Индию частично открыт. Англичане увязли на Мальте и опять же у них дела, чтобы отреагировать вовремя. Выслать на подмогу Мордвинову эскадру. Цейлон сделать неприступной крепостью, пусть используют голландцев. Они как раз внешнее управление получают от графа Румянцева. Письмо Ван Вону – пускай отправляется в Португалию. Обещает, что хочет, хоть жениться, мне плевать, но мне нужна земля на территории Бразилии. Сколько продадут, столько и забрать. Видишь, какие мы мирные? Земли покупаем, а не завоевываем.

– Кстати, почему? – Ушаков впервые подал голос.

– Потому что так дешевле. – Довольно резко ответив, я повернулся к Бехтееву. – Записал? – Бехтеев кивнул. – Да и ещё. Усилить охрану её величества. Доставить из Ораниенбаума. Все поездки только с моего согласования или с моим участием. Иди выполнять, – я проводил Бехтеева долгим внимательным взглядом, а затем перевел его на Ушакова. – Ну, а мы с тобой,

Андрей Иванович, сейчас сядем и начнем думать, что же с Георга запросить. Потому что за дешево я не продаюсь, я не девка портовая. И заодно надо подумать, как во всю эту схему вплести Польшу. – Я сел за стол и подвинул себе и ему бумагу и протянул ручку. – Итак, среди моих угнетателей есть продажные шкуры? Может её величество у нас алчная змея? И за хорошую мзду её сумеем вывести из игры и из-под удара? А может кто-то из вас, тварей ненасытных землями взятки берет? Мне бы Новый Амстердам вернуть, желательно без военных действий. Конечно, не получится, но помечтать-то мы можем? – Переглянувшись, мы рассмеялись. Я немного отошел от гнева, и Ушаков это с точностью до секунды уловил. Он взял ручку в руку, и мы приступили к детальному обсуждению их хорошей, чего уж там, но не продуманной до малейших деталей аферы.

Глава 5

– Ваше величество, к вам господин Эйлер и господин Даниил Бернулли, – Бехтеев заглянул ко мне в кабинет, спрашивая разрешения впустить упомянутых господ.

Я же внимательнейшим образом изучал отчеты комиссии, которая проводила инспекцию в тех местах, где, ещё будучи Великим князем, я наложил взыскания на проштрафившихся купчин. Они должны были свои недоимки пустить на развитие благосостояния городов.

Когда я вернулся в Россию после смерти тетки, то уже через месяц отправил комиссию с наказом сделать подробные отчёты о проделанной работе. И вот они вернулись и вывалили на меня ворох бумаг с подробным описанием. Уж не знаю, то ли штрафники действительно меня испугались, то ли то, как я на Демидовых наехал, их впечатлило, но работу они выполнили. Кто лучше, кто хуже, но откровенных сачков вроде не было. Работать, конечно, было ещё над чем, но, самое главное состояло в том, что начало положено.

Сейчас самое главное довести до конца, а потом ни в коем случае не запускать. Потому что стоит раз слабину дать, и снова всё через одно интересное место пойдёт.

Но, работа была начата, в то ведь я понятия не имел, с чего начать приводить города, а там и села в порядок. По крайней мере во всех городах улицы засыпали щебенкой и выделили тротуары, выложенные каменной плиткой, для пешеходов. Не асфальт, конечно, но начало положено. Так же в каждом городе были примитивные канализации сделаны с кирпичными коллекторами, которые впадали в систему селитряниц. А вот Тверь додумалась до отстойника. Молодцы, что тут сказать. Если их опыт с течением времени покажет хорошие результаты, будем внедрять повсеместно.

Также в городах и всяех появились водонапорные башни и аналоги центрального водоснабжения. Воду, правда, из них поставляли только к обеспеченным гражданам, а большая часть населения продолжала брать воду из колодцев, и с этим надо было что-то решать. Уж про болезни и отравления через колодцы еще в раннем средневековье было известно. Рек у нас, поди в достатке, да и колодца не самые глубокие роют. Так что, думаю, водоснабжение – это вопрос времени и денег, конечно.

Ну и напоследок школы. Со скрипом, но поднятые указы Петра Алексеевича, к которым присоединили указы из моего манифеста, начали понемногу исполняться. Но медленно, как же всё медленно. Спокойно, Петька, это время просто такое неторопливое. Вот уже лет через пятьдесят, всё понесётся галопом. И твоя задача сделать так, чтобы этот галоп здесь у нас в Российской империи образовался. Не где-то там, кого мы всю дорогу будем пытаться догнать и перегнать, а здесь у нас. Чтобы они все пытались догнать, но перегнать уже никогда бы не получилось. Вот тогда можно будет сказать, что всё было не зря.

– Ваше величество? – Бехтеев кашлянул, а я посмотрел на него и моргнул. Совершенно не обратил внимание ни на секретаря, ни на то, что он, оказывается, ко мне обращался.

– Да, Фёдор Дмитриевич, вы что-то говорили? – спросил я, пытаясь сосредоточиться.

– Господин Эйлер и господин Даниил Бернулли нижайше просят вас их принять, – повторил Бехтеев.

– А что Бернулли разве здесь, а не в Петербурге? – я протёр глаза. Был уже вечер и пора было прекращать работать. Я и так здесь полдня просидел, разбирая отчёты.

– Наверное, – Бехтеев закусил губу, видимо, чтобы не улыбнуться. – Раз он просит его принять, то, наверное, от в Петербурге. – Шутник, мать твою. Видишь же, что устал государь, нет, обязательно надо состричь.

– Что-то я совсем ничего не соображаю. Принеси мне кофе, сейчас я взбодрюсь и тогда приму этих уважаемых господ.

Бехтеев поклонился и вышел, я же придвинул бумаги и рассортировал на кучки: к кому нет претензий и надо поблагодарить за работу; к кому есть минимальные замечания, этим дать срок на исправление; ну и кому пистон вставить. Последних было меньше, чем остальных, всего трое. Среди пострадавших оказалась Пермь, Новгород и, как ни странно, Тула.

Вот здесь надо будет разбираться, причём серьезнейшим образом. Тула у меня сейчас на особом счету. Я уже отдал распоряжение поставить там усиленный гарнизон, а то мысль дурная ещё прилетела, вообще закрыть город, въезд по особым пропускам и так далее. Но я быстро выкинул её из головы. Тогда нужно будет его полностью на государственное обеспечение переводить, а я, хоть и не бедствую, очень уж вовремя с Ост-Индийской компанией да африканскими алмазами провернул, дело, но деньги мне ещё понадобятся. Потому что проектов, в которых не будет прибыли в денежном эквиваленте много, а вот финансовых кормушек пока маловато.

Бехтеев принёс кофе. Я его поблагодарил и с кружкой в руках подошел к карте. Мне нужны Кубань и южная часть Донбасса. И даже не из-за выхода к Черному морю, хотя это тоже важно, а из-за богатых посевных земель. Ну нет у меня пока хорошо родящей земли. пока всё, что есть в зоне рискованного земледелия находится, мать их. Я вообще не понимаю, зачем на данном этапе нам столько крестьян? Один хер выхлоп мизерный. Только себе хватает, да и то с трудом.

Хорошо ещё, что картошку начали сажать, правда не везде и пока немного, но это начало. Тем более, что в отличие от всех остальных, солдат не спрашивают, хотят они что-то там сажать или нет. При каждом гарнизоне сейчас были подсобные хозяйства. Потому что мясо и молочка солдату нужна, а вот консервы ещё пока не придумали. Так что мясо они сами у меня начали выращивать, и картошку начали сажать. Часть полигонов под выпас и картошечку были выделены. Мера временная, конечно, и не везде, но позволяющая не держать армию в черном теле – это раз, ну и популяризация той же картошки – это два.

Так что мне нужны земли, которые будут хлеб давать, без вечных угроз голода. А те, что сейчас возделывают, получая иной раз столько же, сколько посадили, под мануфактуры пускать. Мне дороги нужно прежде всего строить, а в перспективе железнодорожные пути прокладывать. И промышленность развивать. На одной пеньке далеко не уедешь.

Вот только вопрос, а смогу я сейчас сцепиться с турками? Вопрос риторический и я даже ответ на него знаю – нет. Нет, не смогу. Кишка пока тонка.

Тем более, что у меня есть программа минимум. Надо Фридриха из Европы выбить и не дать сформироваться сильному Прусскому королевству. Надо англичан прижать так, чтобы они хотя бы лет двадцать нам передышки дали. Пока бошки будут чесать, пока разбор полетов устраивать, у нас появится время армию сделать очень мощной и флот подтянуть. Вот тогда и поговорим, с позиции силы, если потребуется.

Данию Лизка похоже дожимает, скоро явятся на переговоры и подписание отступных вместе с этим ничтожеством в датской короне. Да, похоже, закончились викинги. Последних дед мой под Полтавой положил. Ну, туда им и дорога.

И последнее, что сидит как заноза и свербит – Польша и огрызки Великого княжества Литовского. Вот с ними точно надо что-то делать, причём не в долгосрочной перспективе, а в ближайшее время.

Шляхта сейчас развлекается, я же приложил свои скромные усилия, плеснув в огонь чуток керосина, сдав англичанам Чарторыйских с их Фамилиями. Конечно, же я приукрасил то, за что бьются паны. Ну, например, никто из них не претендовал никогда на Священную Римскую империю в составе Речи Посполитой.

Ну, кто там в Лондоне будет сильно разбираться? И потом джентльмены верят друг другу на слово, особенно, угнетенному сверх меры Российскому императору. А уж если до Георга

дойдёт, что немного был неправ, так, кто у меня во внешней разведке? Правильно, Ушаков, это он такое надокладывал. Сами же знаете, ваше величество, что он тот ещё гад.

А у костра польского я ещё долго с ведром керосина буду стоять. Турка вот в последнее турне отправил, княжество Литовское изо всех сил втянуть в развлечение панов. Если Андрей справится, то это будет его последнее задание. Андрей Иванович Ушаков уже не молод, ему нужно замену готовить, а я никого, кроме Турка на его месте не вижу. Он умен, кухню эту изучил вдоль и поперёк, многое сам делал с нуля, а самое главное, он предан именно мне. И ему плевать на то, что его уже псом государевым окрестили. Пёс так Пёс, и что? Зато это я его из дерьма вытащил, в которое его жизнь загнала.

Татищеву надо намекнуть, чтобы, когда Андрей к дочке его свататься пойдёт, сильно не выделялся. Всё-таки будущий начальник Тайной канцелярии в перспективе.

Кстати, о Донбассе. Мне тут уголь, кажется, нашли, надо уже добычу налаживать и прямо там завод ставить, кокс делать. Металлургию надо развивать, а то англичане уже нас обскакали на повороте. Как кокс научили применять, так и пошли родимые.

Я отошёл от карты и, поставив чашку на стол, взял в руки колокольчик. Он появился у меня, когда надоело орать, чтобы хоть кого-то дозваться. Ну а что, пол Европы уже звонит не прекращая, а я чем хуже? Тем более, что колокольчик был отлит из меди. Из той самой меди, которой в нашей многострадальной империи кот заплакал, зато в Африке завались, и которую я приказал искать наравне с золотом и алмазами. Потому что золото и тем более алмазы – это очень хорошо, вот только медь иной раз гораздо ценнее. Медь нашли, колокольчик мне отлили и целый корабль из каравана ею загрузили. Я на радостях даже бутылку шампанского выпил в одно лицо. Болел, правда, с утра, но ничего, ради такого можно и пострадать.

– Ваше величество, – зашел Бехтеев и принялся убирать кофейные принадлежности. Он прекрасно знал, что я терпеть не могу, когда в кабинет заходят лакеи и горничные в то время, когда я работаю, поэтому всегда убирал на столе самостоятельно. – Приглашать господ ученых?

– Да, приглашай, – я кивнул и подошёл снова к карте. Эйлер знал, что науке было отдано приоритетное направление в моей политике. Поэтому он никогда не опускался для просьб об аудиенции. Все остальные товарищи, кроме довольно узкого круга допущенных всегда ждали, когда государь-император сможет выделить на них немного драгоценного времени.

Эйлер вошел в кабинет первым и поклонился, а следом появился довольно грузный субъект в таком огромном парике, что я даже уважительно поцокал языком.

– Ваше императорское величество, – он степенно поклонился. Я удивленно приподнял брови. Это был первый на моей памяти учёный, который старательно выговорил приветствие по-русски.

– Господин Бернулли, мои комплименты, – как это бывало всегда, немецкие слова легко сорвались с губ. За столько лет я уже научился не обращать на это внимания. Как и на легкий, едва заметный акцент, с которым я говорил, и который был слышен, если хорошо прислушаться. – Даже столь незначительную фразу на русском языке выучить довольно сложно.

– Да, ваше величество, – Бернулли с облегчением перешёл не немецкий, – русский язык очень сложен. Но, как сказал мой дорогой друг Эйлер, – он кивнул на Эйлера, – я не смогу преподавать в университете, не зная этого языка. Потому что преподавание будет вестись исключительно на нём. Так что я стараюсь, как только позволяет мне мой мозг.

– Вы ведь уже жили в Петербурге, господин Бернулли? – задал я вопрос, ответ на который в принципе уже знал.

Когда Академию наук превращали по моей указке в высший орган научной мысли, я видел список тех ученых, которые работали здесь когда-то, но уехали, в частности, не выдержав дразг с Шумахером, который сейчас закладывал Томский университет на сто пятьдесят лет раньше, чем тот должен был появиться. Ну, пока он его достроит, как раз заработает всю

Петербургский университет и подготовит первых преподавателей для периферии, потому что основная его задача на сегодняшний момент заключается именно в этом.

– Да, но потом здесь стало весьма неуютно работать, и я уехал. А сейчас, ведя активную переписку с моим другом, я узнал о массе весьма привлекательных проектов, которые вы одобрили и не скупитесь на их финансирование, что я решил попытать судьбу ещё раз. К тому же в Европе сейчас неспокойно.

– Да, в Европе сейчас стреляют, – кивнул я. – Ну что же, давайте попробуем поработать. Чем вы занимаетесь?

– В настоящий момент изучаю свойства газов и жидкостей. Меня очень привлекла та машина, которую построил Эйлер и...

– У меня есть приоритеты, и господин Эйлер знает об этом. Прежде всего, меня интересует создание единой системы мер с эталонами. Во-вторых, та самая паровая машина, которую надо поставить на рельсы, думаю, господин Эйлер вам все объяснит. И да, я видел ваш труд по гидродинамике и даже частично его понял, – Бернулли улыбнулся, а я продолжал. – Итак, система мер. У вас есть предложения?

– Ещё Джон Уилкинс предложил использовать абсолютный вес объёма чистой воды, равного кубу (со стороной) в сотую часть метра, и при температуре тающего льда, но лично я считаю, что это не совсем верно, – начал Эйлер, я же тяжело вздохнул.

– Леонард Паульсович, я вас не спрашиваю, как именно вы будете высчитывать килограмм. Мне это не интересно. Я хочу, чтобы вы вывели формулу, и по ней отлили эталон. Всё. Потом мы поместим эталон под защиту, наделаем с него копий и разошлем нашим купцам, к которым будут заявляться проверяющие с разной периодичностью. И с той же периодичностью будут проводиться проверки гирь, чтобы никто не шельмовал. Ну а мне вы принесете свой труд, я его прочту, и даже, возможно, что-то в нём пойму. Но и до этого, как только эталон будет сделан, вы получите очень серьёзную награду. Я же вас ни в чём не ограничиваю, занимайтесь хоть чем, хоть изучением семейства бобров в долине Луары. Главное, это выполнять заказы моих оружейников, и, несмотря на другую работу, ставить мои заказы в приоритет. Поймите, наконец, единая система, это не только очень удобно, это ещё и очень важно в первую очередь для экономики, которая приносит деньги, часть которых, в частности, уходит на ваши нужды и прожекты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.